

DOI:

ТЕОНИМЫ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА: НОМИНАЦИИ БОГА В МОЛИТВОСЛОВИИ И БИБЛЕЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Едзиева Наира Таймуразовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел поликультурного и полилингвального образования, Центр развития осетинского языка, Государственное бюджетное учреждение «Институт истории и археологии РСО-Алания (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0009-0006-5505-0867>; naira.edzieva@yandex.ru

В статье анализируются теонимы осетинского языка, в частности номинации Бога, которые представляют собой определенную целостную систему. Основная часть имен Творца обычно используется в осетинских ритуальных молитвословиях, поскольку их основное предназначение – воздать славу Богу в самом начале молитвословия, непосредственно через обращение, до начала молитвенных просьб. Методом сравнительного анализа в статье показано, как привычные для осетинского языка теонимы работают в культурно-языковом пространстве Библии. Имена Бога в осетинском языке тесно связаны со словом «Хуыцау» (Бог). В то же время они могут использоваться и самостоятельно, без слова «Хуыцау». Что касается устойчивого выражения «хуыцæутты Хуыцау» (Бог богов), то более верным представляется написание первой его части с маленькой буквы, так как в смысловом отношении слово «хуыцæутты» не является указанием на то, что Бог-Творец в осетинской религиозной культуре является главой божественного пантеона. Устойчивое выражение «хуыцæутты Хуыцау» нельзя анализировать в отрыве от других имен Бога, в составе которых часто встречается слово «Единый». В качестве практического материала в статье использованы фрагменты осетинских молитвословий и библейских текстов. Также проводится анализ важного библейского термина – «Святой Дух», являющегося в Библии именем третьей ипостаси Святой Троицы. Автором анализируется выражение «Хуыцауы ном арын» (букв. «находить имя Бога»), которое в Библии использовано для перевода фразы «призывать имя Господа». Кратко освещается вопрос влияния более ранней переводческой терминологии, использованной в отдельных изданиях Нового Завета, на выбор теонимов при издании полной версии современного перевода Библии на осетинском языке.

Ключевые слова: теоним, имена Бога, молитвословие, эпитет, термин, перевод, язык.

Для цитирования: Едзиева Н.Т. Теонимы осетинского языка: номинации Бога в молитвословии и библейском переводе // KAVKAZ-FORUM. 2026. Вып. 26 (33). С. 52-62. DOI:

Введение

В ономастическом пространстве любого языка особое значение имеют теонимы, в частности имена Бога, раскрывающие разные грани Его могущества, показывающие те свойства и атрибуты Всевышнего, которые достойны наивысшей хвалы. Теонимы с давних времен вызывают исследовательский интерес, поскольку касаются основы основ – Творца, даровавшего жизнь человечеству. В религиозной культуре разных народов имена Бога отличаются особой сакральностью. Помимо молитвенного обращения к Всевышнему, цель их использования состоит в том, чтобы воздать славу Богу до того, как просить у Него помощи и благословения.

Имена Бога, состоящие из одного или нескольких эпитетов, используются осетинами в основном при совершении ритуального молитвословия, на различных празднествах и т. д. Основным теонимом, используемым при обращении к Создателю, в осетинском языке является *Хуыцау* (Бог). Это слово одновременно подчеркивает, что речь идет именно о Боге (не об ангеле или покровителе), то есть божественную сущность Всевышнего, и в то же время используется в языке как имя собственное при молитвенном обращении к Богу (напр., «*О Хуыцау...*»). К исследованию этимологии слова *Хуыцау* обращались разные ученые: В.И. Абаев [1], О.Н. Барабанов [2], Ф.М. Таказов [3], Т.К. Салбиев [4], Д.В. Сокаева [5], В.С. Расторгуева и Д.И. Эдельман [6], Э.Т. Гутиева [7] и др. В данной статье мы не ставим своей целью исследовать этимологию слова *Хуыцау*, однако высказываем свою точку зрения на правописание устойчивого выражения «*хуыцæутты Хуыцау*». Также рассматриваются особенности использования некоторых осетинских теонимов в современном, полном издании Библии на осетинском языке.

Основная часть

Как и в других мировых культурах, образ Бога находит широкое отражение в осетинском фольклоре. Согласно высказыванию Д.В. Сокаевой, «*Хуыцау* в духовной культуре осетин – единственный абсолютный вершитель и создатель всего на земле и главный адресат молитвословий в традиционной жизни осетина. В то же время Он – персонаж практически всех жанров осетинского фольклора. *Хуыцау* – стержень всей традиционной жизни осетин, что выражается в отправлении посвященных Ему обрядов с практикой вознесения молитвы» [5, 37].

Немало научных споров возникает вокруг выражения *хуыцæутты Хуыцау*, в котором первая часть выражена во множественном числе, родительном падеже, что в грамматическом смысле предполагает наличие одного Верховного Бога и подчиненных Ему других божеств. Э.Т. Гутиева, исследуя теонимы в осетинском нартовском эпосе, отмечает, что в эпических текстах «верховная роль Бога подчеркивается апеллятивами: *Хуыцæутты Хуыцау* (Бог Богов), *Стыр Хуыцау* (Большой Бог), *Сфæлдисæг Хуы-*

цау (Бог-Творец)» [7, 146]. Ф.М. Таказов в статье «Архетип мифонима Хуцау в религиозно-мифологических воззрениях осетин» пишет следующее: «Хотя форма Хуцаути отражает множественное число и может переводиться как 'Боги', однако в данном случае выражение «Хуцаути Хуцау» 'Бог Богов' равнозначно образованию сравнительной степени по подобию «существительное + существительное» – «хъæлнæгъти хъæлнæгъ» (букв. 'кукурузный стебель кукурузных стеблей', т. е. 'самый длинный кукурузный стебель')» [3].

Как известно, выражение «Бог богов» встречается не только в осетинской религиозной культуре. В древнегреческом пантеоне верховным богом, именуемым, соответственно, богом богов, является Зевс, у славян – Перун; в германо-скандинавской мифологии – Один; верховный бог Урарту – Халди и т. д. Но в указанных и других религиозных культурах выражение «Бог богов» подразумевает наличие одного верховного Бога и других богов. В осетинской религиозной культуре есть и другие теонимы, которые подтверждают обратное. Например: *Иунæг Кадджын Хуыцау (Единый Достославный Бог)*, *Цытджын Иунæг Хуыцау (Досточтимый Единый Бог)*, *Иунæг Стыр Хуыцау (Единый Великий Бог)*, *Æмбал кæмæн нæй, уыцы Иунæг Кадджын Хуыцау (Единый Достославный Бог, Которому нет равных)*. Эпитеты, выполняя функцию прославления Бога и указывая на Его величие, одновременно являются важной частью теонимов, а именно, имен Бога.

Выражение «Бог богов» встречается и в библейских текстах, но здесь оно используется не как обращение к Творцу, то есть не как имя собственное. В Библии данное выражение констатирует тот факт, что, кроме Творца, нет другого истинного Бога. В оригинальных текстах, написанных на древнееврейском языке, нет заглавных букв, но то, что в большинстве переводов Ветхого Завета слово «богов» в сочетании «Бог богов» написано с маленькой буквы, является обоснованным, т. к. идея поклонения одному истинному Богу прослеживается во всей Библии. Например: «*Уымæн æмæ Дунедарæг, уæ Хуыцау, хуыцаутты Хуыцау у, хицаутты Хицау; хъулон ми Чи нæ зоны æмæ гæртам Чи нæ исы, уыцы хъомысджын æмæ тасæфтауæг стыр Хуыцау*» (Втор 10:17) [8, 169] / «... Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, Который не смотрит на лица и не берет даров» [9, 201]. Также в Библии часто встречаются призывы не поклоняться другим (ложным) богам. В книге Исайи читаем: «*Уе 'ргом Мæм раздадут, æппæт дзыллæтæ, æмæ фервæзат, уымæн æмæ Æз дæн Хуыцау, Мæн йæддæмæ æндæр Хуыцау нæй*» (Ис 45:22) [8, 659] / «*Ко Мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли, ибо я Бог, и нет иного*» (Ис 45:22) [9, 718]. Бог в Библии не только призывает не поклоняться иным богам, но и сурово наказывает за подобное поклонение.

В библейских текстах встречаются имена Бога, имеющие форму множественного числа, например, эвфемизм *Элохим*, который часто исполь-

зуются в Библии как нарицательное слово для обозначения других богов. Однако контекст всегда ясно показывает, когда в той или иной книге Библии речь идет именно о Создателе, а не об идолах. Предметом многочисленных споров становится лишь 26-й стих второй главы книги Бытия, где не только теоним, но также глаголы и местоимения имеют форму множественного числа: «Хуыцау загъта: “Сфæлдисæм адæймаджы, Нæхи хуызæн, Нæхи æнгæс куыд уа, афтæ...”» (Райд 1:26) [8, 14] / «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему...» (Райд 1:26) [9, 1]. Подобное грамматическое несоответствие встречается в Библии лишь один раз. Автор статьи солидарен с мнением ученых, считающих, что в данном стихе нет никакого противоречия с общей концепцией Библии, т. к. речь идет о трех ипостасях Творца (*Бог-Отец, Бог-Сын и Дух Святой*).

Несомненным представляется тот факт, что и в христианстве, и в осетинской религиозной культуре выражение *Бог богов (хуыцæутты Хуыцау)* указывает на существование Единого Бога, а не божественного пантеона, во главе которого – один верховный Бог. Поэтому более верным, как было уже отмечено, считаем написание первой части теонима с маленькой буквы (исключение – обращение к Богу в начале молитвословия).

Для перевода теонима *Яхве (Господь)* в осетинском переводе Библии использован вариант *Дунедарæг* (букв. *Мир содержащий*). Теонимы *Элохим* и *Яхве* в Библии часто используются парно. Также и в осетинском языке *Дунедарæг Хуыцау (Господь Бог)* является устойчивой формой обращения к Богу в молитве. В осетинских молитвословиях данная форма обращения используется как самостоятельно, так и с эпитетами: *Дунедарæг Иунæг Кадджын Хуыцау (Господь Единый Достоправный Бог)*, *Дунесфæлдисæг æмæ Дунедарæг Иунæг Хуыцау (Творец и Господь Единый Бог)*.

Еще одним важным эвфемизмом, используемым в оригинале Ветхого Завета, является *Адонай (древнеевр. «мой Господь»)*. В Септуагинте («Перевод семидесяти толковников» – собрание переводов книг Ветхого Завета на древнегреческий язык) слово *Адонай* переводится как «кюриос» (греч. *κύριος* – правитель, владыка, господин). Для перевода еврейского теонима *Адонай* и, соответственно, греческого *κύριος* в осетинском переводе Библии использовано слово *Бардарæг (господин, вершитель, владыка)*. Также в некоторых текстах Нового Завета (в полном издании Библии), когда речь идет о Христе или при непосредственном обращении к Нему, для перевода греческого *кюриос* используется слово *Хицау (начальник, хозяин, глава)*. Например: «Уæдæ къæрцхъус ут, уымæн æмæ уæ Хицау кæд æрцæудзæн, уый нæ зонут» (Мт 24:42) [8, 876] / «Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет» (Мт 24:42) [9, 32].

Для перевода данного теонима и важного библейского термина «Святой Дух» в осетинском переводе Библии использован вариант *Сыгъдæг Уд (Сыгъдæг – с ударением на первый слог)*. Перевод этого теонима на осе-

тинский язык является неоднозначным, поскольку *сыгъдæг* буквально означает *чистый*, а *уд* – *душа* (значение слова *дух* точнее отражает осетинское слово *мон*). В понятие *святость*, несомненно, входит и чистота, но все же и в русском, и в осетинском языке слова *святой* (осет. *уаз, рухс*) и *чистый* (осет. *сыгъдæг*) отличаются в смысловом отношении. Вариант *Сыгъдæг Уд* был использован в первых изданиях Нового Завета, и поэтому стал привычным для большинства читателей, что учитывалось при последнем, полном издании Библии.

Бог, Иисус Христос и Святой Дух, как три ипостаси Единого Бога, в христианской традиции обычно упоминаются в конце молитвы (*Во имя Отца и Сына и Святого Духа*). Идея триединства Творца под влиянием христианства проникла и в осетинскую религиозную культуру. Приведем пример: «*Æртæ Йонон Саниба, / Хуыцауы æртæ цæсгом...*» [10, 58] (*Саниба трех Иоаннов, / Три лица Бога...*).

Под словом «лица» в этом фрагменте подразумеваются три ипостаси Бога. Обращение «Саниба трех Иоаннов» на первый взгляд выглядит странным. По предположению А.В. Дарчиева, *Æртæ Йонон (Три Иоанна)* – это искаженное осетинское *Æртæиуон (Троица)*. *Саниба* – от груз. *Sameba*, сохранилось не только название, но и определенное понимание идеи Святой Троицы [11, 56]. Есть также сведения о том, что *Саниба* в осетинской мифологии – покровитель плодородия, который был особенно почитаем в Алагирском ущелье, в Тагаурском обществе. Одно из святилищ *Санибы* находилось в Архоне и поклонялись ему только близлежащие села – Архон, Луар и Дайкау. Так как сел, молящихся *Санибе*, было три, его также называли *Санибой* трех сел [12, 119]. Данная версия тоже является правдоподобной, но, учитывая этимологию термина, созвучие с *Æртæиуон* и смысл второй части отрывка, более вероятным представляется христианское влияние. На это указывает и Х.Ф. Цгоев: «*Саниба* – христианский праздник, отмечают его спустя десять дней после Успения. «*Саниба*» – слово грузинское, по-русски означает «Троица», а по-осетински – Триединство Всевышнего. Троица приходится на один день с осетинским «*Кæрдæгхæссæн*». А праздник *Саниба* в осетинских ущельях отмечают в разные сроки. Например, в Дзимыре – весной, в Тырсы – летом, в Нарском ущелье – осенью. В этих ущельях есть святилища «*Саниба*, а в Горной *Санибе* – церковь «*Æртæ Иуон Саниба*» [13, 243].

Теоним *Всевышний* в осетинском издании Библии переведен как *Иууылбæрзонд* – буквальный перевод с русского. Данный теоним не встречается в осетинских молитвословиях. Похожим теонимом в осетинском языке является *Уæллаг* – *Вышний* (букв. *Верхний*), который встречается в фольклорных текстах, например, в нартовском эпосе. Также используется в обыденной речи (напр.: *Уæллаг æй зоны*). Слово *Уæллаг* не использовано в переводе Библии в связи с тем, что оно не отражает в достаточной мере

смысл исходного термина (то, что Бог выше всех и всего). Приведем пример: «*Стауын æз Дунедарæджы растад, зарын æз Иууылбæрзонд Хуыцауы номы кадæн!*» (Пс 7:18) [8, 486] / «*Славлю Господа по правде Его и пою имени Господа Всевышнего*» (Пс 7:18) [9, 71].

Теоним *Бæрзондыл Бадæг* (*Высоко Сидящий*) в осетинском языке используется как в сочетании со словом *Хуыцау*, так и самостоятельно. *Бæрзондыл Бадæг* может использоваться в осетинском молитвословии как обращение к Всевышнему, а также принимать глагольную форму, указывая на величие Создателя и на Его пребывание в небесной выси: *Бæрзондыл бадыс, / Ныллæгмæ нын-иу баххуыс кæн* (*Сидишь высоко, / Внизу нам помощи*) [10, 52].

Слово *Сидящий* по отношению к Богу в Библии используется как имя собственное, без слова «Бог»: «*Сыгъдæг Уд мæ уайсахат систа, æмæ мæнæ мæ разы паддзахы бадæн уæларвы, паддзахы бадæны та фæдтон Бадæджы*» (Æрг 4:2) (здесь – в форме р. п. – Н.Е.) [8, 1098] / «*Я тотчас был вознесен Духом. И вот, стоит престол на небе и на престоле Сидящий*» (Откр 4:2) [9, 27].

В Книге пророка Исаии само небо называется Божьим престолом: «*Афтæ зæгъы Дунедарæг: "Уæларв Мæ бадæн у, зæхх – Мæ къæхтæвæрæн. Цавæр хæдзар Мын хъуамæ саразат сыхах? Кæм ис Мæн аккаг æрæнцайæн бынат?"*» (Ис 66:1) [8, 661] / «*Так говорит Господь: небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня, и где место покоя Моего?*» (Ис 66:1) [9, 734]. Похожий со смыслом первой части данного стиха фрагмент, правда, из фольклорного текста, приводит в указанной выше статье Ф.М. Таказов: «*Арв Хуцауи хæдзарæ æй; зæнхæ – е 'рæнцайæн, æ тургъæ, е 'взурæн; дунгæ – æ уод, æ рафецауæнтæ, æ хæтæндæнтæ; дон, зинг – æ сугъдæггæнæг, æ цардæвзарæг*» / «*Небо является жилищем Бога, земля – его опорой, его истоком; ветер – его духом, его путями, его местами для походов; вода, огонь – орудием для освящения (очищения), (орудием) для выбора жизни*» [3, 753]. Интересно, что данные отрывки, библейский и фольклорный, совпадают даже по тональности. Символом освящения (очищения) огонь выступает и в Библии. Здесь он символизирует Божью силу, Божий суд и освящающую работу Святого Духа.

Имена Бога в осетинской религиозной культуре, как уже отмечалось ранее, имеют своей целью не просто обратиться к Творцу в молитве. Более важная цель их использования – прославить Творца. Теонимы, в составе которых есть эпитеты, показывают суверенные качества Бога, достойные прославления, такие как: Бог един, Бог славен, Бог велик, Бог – Творец Вселенной.

Прославление Бога в осетинских молитвословиях начинается уже в самом начале молитвословия (напр.: *Дунерафæлдисæг Иунæг Кадддын Стыр Хуыцау / Сотворивший мир Единый Славный Великий Бог*). Как от-

мечает Д.В. Сокаева, «для осетинской молитвы характерны черты гимна в древнегреческом понимании этого слова: в них обязательно присутствует элемент восхваления Хуыцау и покровителей» [14, 356].

В качестве отдельного, расширенного теонима при обращении к Всевышнему в молитве в осетинском языке может выступать выражение «*Æмбал Кæмæн нæй, уыцы Иунæг Кадджын Хуыцау*» (или: «*Æмбал Кæмæн нæй, уыцы Хуыцау*»). Данное устойчивое выражение также используется с целью прославить Творца. Похожее выражение встречается в Библии, и, соответственно, для его перевода использован осетинский эквивалент: «...*О Дунедарæг, Израилы Хуыцау! Ды дæ, уселарвы дæр æмæ зæххыл дæр æмбал Кæмæн нæй, уыцы Хуыцау!...*» (2 Пар 6:14) [8, 389] / «...*Господи Боже Израилев! Нет Бога, подобного Тебе, ни на небе, ни на земле...*» (2 Пар 6:14) [9, 465].

В осетинском языке, когда речь идет о молитве к Богу, помимо слова «кувын» (молиться) встречается также выражение «*Хуыцауы ном арын*» (букв. «находить имя Бога»). Данная речевая формула в Библии использована для перевода выражений «начали призывать имя Бога», «призвал имя Бога». В четвертой главе книги Бытия описывается грех братоубийства: Каин убивает своего брата Авеля, но спустя время у Евы снова рождается сын, которому она дает имя Сиф (в осетинском тексте – *Шет*). Далее мы читаем: «*Шетæн дæр райгуырди фырт, æмæ йыл сæвæрдта ном Енош. Уыцы заман райдыдтой Дунедарæджы ном арын (Райд 4:26)*» [8, 16] / *У Сифа также родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать имя Господа [Бога] (Быт 4:26)* [9, 4].

Само по себе выражение *ном арын* означает: 1) выразить кому-либо почтение, вспоминая о нем; 2) сказать о ком-либо / о чем-либо что-то хорошее. В осетинском языке бытуют выражения *мæрдты ном арын* (поминать усопших за столом), *номарæн изæр* (вечер памяти), т. е. вечер, посвященный какому-либо умершему деятелю искусства, герою войны и т. д. В газетных публикациях используется слово *номарæн* (посвящение), которым обычно называют статьи или стихи, посвященные умершим.

Выражение «*Хуыцауы ном арын*» в осетинском языке не предполагает использование какого-то конкретного имени Творца. Это показывает признание человеком Божьей власти над его жизнью, почтение к Богу, надежду на помощь Всевышнего, доверие Создателю и, следовательно, обращение к Нему в молитве. Некоторые молитвы так и называются – *Хуыцауы номарæн куывдтытæ*. Выражение *Хуыцауы ном арын* может использоваться как в обыденной жизни, так и во время осетинского застолья. Первая часть молитвенного обращения всегда направлена к Всевышнему, что может констатироваться в начале (напр. *Хуыцауы ном ссарæм*).

Заключение

В данной статье мы не ставили своей целью проводить сравнительный анализ всех теонимов, встречающихся в осетинском переводе. Проведен-

ное исследование показало, что в разных религиозных культурах встречается похожая теонимическая лексика. В статье были рассмотрены особенности перевода библейских теонимов на осетинский язык, а также некоторые устойчивые выражения осетинского языка в контексте Библии. Практический материал позволил показать, как привычные осетинские теонимы работают в культурно-языковом пространстве Библии, а также то, как устоявшиеся переводческие традиции влияют на использование тех или иных терминов и теонимов в ее последующем издании.

Примечание:

1. Имена собственные в Ветхом Завете в осетинском переводе приближены к их еврейскому звучанию.

---

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.: Изд-во АН СССР. 1989. Т. IV. U-Z. 449 с.

2. *Барабанов О.Н.* Хуцау и дауаги: два нерешенных вопроса в историко-семиотическом анализе дохристианских индоевропейских верований у аланов // Территория времени. 2013. № 4 (14). С. 111–118.

3. *Таказов Ф.М.* Архетип мифонима Хуцау в религиозно-мифологических воззрениях осетин // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 753.

4. *Салбиев Т.К.* Скифо-сарматское ядро осетинской религиозно-мифологической системы (культ огня) // *Nartamongæ*. 2019. Vol. XIV. N 1, 2. С. 237–288.

5. *Сокаева Д.В.* Сакральные персонажи и символы фольклорной прозы осетин: генезис, семантика, этнографический контекст: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 558 с.

6. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М.: Наука; Восточная литература, 2007. Т. 3: А-Н. С. 425–426.

7. *Гутиева Э.Т.* Теонимы в Нартовском эпосе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. Вып. V. С. 144–157.

8. Библия: книги Священного Писания: Ветхий Завет и Новый Завет. М.: Российское Библейское Общество, Институт перевода Библии, 2022. 1152 с. (на осет. яз.).

9. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Кано́нические / в рус. пер. с параллельными местами и приложением. М.: Российское Библейское Общество, 2014. 1240 с.

10. Памятники народного творчества осетин / сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. Т. 1. 440 с.

11. Дарчиев А.В. Ранний памятник осетинского языка: текст молитвословия первой трети XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. 1. С. 47–58.

12. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин: Краткий словарь. Владикавказ: [б. и.], 1994. 284 с.

13. Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. 2-ое изд., испр. и доп. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 753 с.

14. Сокаева Д.В. Осетинская традиционная молитва: характеристика жанра // Материалы IV Всероссийский конгресс фольклористов (Тула, 01–05 марта 2018 г.). М.: Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, 2019. С. 351–357.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026,
принята к публикации 15.05.2026,
опубликована 30.06.2026.

Edzieva, Naira T. – Candidate of Philology, Researcher, Department of Multicultural and Multilingual Education, Center for the Development of the Ossetian Language, State Budgetary Institution «Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia – Alania» (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0009-0006-5505-0867>; naira.edzieva@yandex.ru

THEONYMS OF THE OSSETIAN LANGUAGE: NAMES OF GOD IN PRAYER AND BIBLICAL TRANSLATION.

Keywords: *theonym, names of God, prayer, epithet, term, translation, language.*

This article analyzes the theonyms of the Ossetian language, in particular, the names of God, which represent a specific and coherent system. The majority of the Creator's names are commonly used in Ossetian ritual prayers, as their primary purpose is to praise God at the beginning of the prayer, directly through an address, before making any requests. Through a comparative analysis, the article demonstrates how the theonyms of the Ossetian language function within the cultural and linguistic context of the Bible. The names of God in the Ossetian language are closely related to the word «Khuytsau» (God). At the same time, they can also be used independently, without the word «Khuytsau.» As for the fixed expression «Khuytsæutty Khuytsau» (God of Gods), it is more accurate to write the first part with a small letter, as the word «Khuytsæutty» does not indicate that the Creator God in Ossetian religious culture is the head of the divine pantheon. The stable expression «Khuytsæutty Khuytsau» cannot be analyzed in isolation from other names of God, which often include the word «One.» Fragments of Ossetian prayer books and biblical texts are used as practical material in the article. An important biblical term is also analyzed – «Holy Spirit», which is the name of the third hypostasis of the Holy Trinity in the Bible. The author analyzes the expression

«*Khuytsæy nom aryn*» (lit. «to find the name of God»), which is used in the Bible to translate the phrase «to call on the name of the Lord.» The article briefly discusses the influence of earlier translation terminology used in certain editions of the New Testament on the choice of theonyms in the publication of the complete version of the modern Ossetian translation of the Bible.

For citation: Edzieva, N.T. Theonyms of the Ossetian language: names of God in prayer and biblical translation. *KAVKAZ-FORUM*. 2026, iss. 26 (33), pp. 52-62. (In Russian). DOI:

REFERENCES

1. Abaev, V.I. *Istoriko-ehnologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1989, vol. IV. 449 p.

2. Barabanov, O.N. *Khutsau i dauagi: dva nereshennykh voprosa visto rikosemioticheskoy analize dokhristianskikh indoevropskikh verovanii u alanov* [Khutsau and Daugai: Two Unresolved Issues in the Historical and Semiotic Analysis of Pre-Christian Indo-European Beliefs among the Alans]. *Territoriya vremeni* [Territory of time]. 2013, no. 4 (14), pp. 111–118.

3. Takazov, F.M. *Arkhetip mifonima Khutsau v religiozno-mifologicheskikh vozzreniyakh osetin* [The archetype of Khutsau in the religious and mythological views of the Ossetians]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2013, no. 6, pp. 753.

4. Salbiev, T.K. *Ckifo-sarmatskoye yadro osetinskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy (kul't ognya)* [The Scythian-Sarmatian core of the Ossetian religious and mythological system (the cult of fire)]. *Nartamongæ* [Nartamongæ]. 2019, vol. XIV, no. 1, 2, pp. 237–288.

5. Sokaeva, D.V. *Sakral'nye personazhi i simvoly fol'klornoj prozy osetin: genezis, semantika, ehnotograficheskii kontekst* [Sacred Characters and Symbols in Ossetian Folklore Prose: Genesis, Semantics, and Ethnographic Context]. Doctor of Science dissertation (in Philology). Moscow, 2018. 558 p.

6. Rastorgueva, V.S., Ehdel'man, D.I. *Ehtnologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages]. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura, 2007, vol. 3, pp. 425–426.

7. Gutieva, E.H. *Teonimy v Nartovskom ehpose* [Theonyms in the Nart Epic]. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii* [Nart studies in the 21st century: modern paradigms and interpretations]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2019, iss. V, pp. 144–157.

8. *Bibliya: knigi Svyashchennogo Pisaniya: Vekhii Zavet i Novyi Zavet* [The Bible: The Holy Scriptures: The Old Testament and the New Testament]. Moscow, Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, Institut perevoda Biblii, 2022. 1152 p. (in Ossetian).

9. *Bibliya: knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie* [The Bible: The Holy Scriptures of the Old and New Testaments. The Canonical Books]. Moscow, Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2014. 1240 p.
10. Khamitsaeva, T.A. (comp.). *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin* [Monuments of Ossetian folk art]. Vladikavkaz, Ir, 1992, vol. 1. 440 p.
11. Darchiev, A.V. *Rannii pamyatnik osetinskogo yazyka: tekst molitvosloviya pervoi treti XIX veka* [An Early Monument of the Ossetian Language: A Prayer Text from the First Third of the 19th Century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. 2013, no. 5 (23): in 2 parts, part 1, pp. 47–58.
12. Dzadziev, A.B., Dzutsev, Kh.V., Karaev, S.M. *Ehtnografiya i mifologiya osetin: Kratkii slovar'* [Ethnography and Mythology of the Ossetians: A Short Dictionary]. Vladikavkaz, [b. i.], 1994. 284 p.
13. Tsgoev, Kh.F. *Slovar' osetinskoi mifologii i uklada zhizni* [Dictionary of Ossetian mythology and way of life]. 2nd ed., corrected and enlarged. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2017. 753 p.
14. Sokaeva, D.V. *Osetinskaya traditsionnaya molitva: kharakteristika zhanra* [Ossetian Traditional Prayer: Characteristics of the Genre]. *Materialy IV Vserossiiskii kongress fol'kloristov (Tula, 01–05 marta 2018 g.)* [Proceedings of the IV All-Russian Congress of Folklorists (Tula, March 1–5, 2018)]. Moscow, Gosudarstvennyi Rossiiskii Dom narodnogo tvorchestva imeni V.D. Polenova, 2019, pp. 351–357.

The article was submitted 04.02.2026,
accepted for publication on 15.05.2026,
published 30.06.2026.